

Анна Евдо
ДЕСЯТЬ СЛОВ

0+

Анна Евдо

Десять слов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66546670

SelfPub; 2021

Аннотация

Жизнь всегда пишет свой сценарий. Мы никогда не знаем, куда её сюжет повернёт в следующую минуту. Вдруг самые обычные десять слов, ожидаемо звучащие в метро, неожиданно превращаются в путеводную нить, за которой ты идёшь рядом со своим человеком.

Анна Евдо

Десять слов

«Станция «Щёлковская». Конечная. Поезд дальше не идёт, просьба освободить вагоны».

Десять слов, с которых всё началось.

Через месяц мне стукнет семьдесят. Колено подводит всё чаще, и лестничные пролёты без эскалатора становятся вызовом. Чтобы принять его с честью и снова услышать памятные слова, я даже повесил на дверцу холодильника таблицу приёма лекарств, в которой два раза в день ставлю галочку, делаю вечерние компрессы и регулярно прохожу курсы физиотерапии.

Из динамиков поставленным голосом звучит:

«Станция «Щёлковская» – и как пятьдесят лет назад перед глазами чёткая до мельчайших деталей картина: пассажиры начинают стекаться к выходам, и середина вагона редеет.

«Конечная» – в просвете между чёрной осенней курткой и серым плащом мелькает что-то яркое. Я по привычке не спешу. Зачем толкаться, когда здесь точно выйдут все. Всматриваюсь в зазор. Спины торопящихся продвинулись разьежжаются в стороны, словно края сценического занавеса, и я вижу огромный пушистый помпон на оранжевой шерстяной шапке крупной вязки. Он смотрит прямо на меня, полностью

скрывая лицо владелицы. Невероятно тоненькая девушка в обычных полусапожках, коричневом драповом пальто до колен, спит, свесив голову на грудь и крепко обнимая большую холщовую сумку, из которой выглядывают толстые общие тетради с конспектами и журналы.

«Поезд дальше не идёт» – люди суетливо выходят на перрон, а я встаю с твёрдого сиденья и подсаживаюсь к этой девушке. Она действительно спит. Так, как может спать только очень уставший человек или тот, у кого чистая совесть и ясные мысли. Сбоку тоже толком не получается рассмотреть её лицо, зато на шее из-под приподнятого воротника виднеются мягкие, крупные, светло-русые завитки.

«Просьба освободить вагоны» – я невесомо касаюсь худенького плечика и осторожно сжимаю его, чувствуя пальцами хрупкие косточки даже через плотную ткань. Она тут же вскидывает голову. Удивлённо трепещут тёмные ресницы... И я тону в серо-голубых бездонных глазах. Безвозвратно. Навсегда.

«Станция «Щёлковская». Конечная. Поезд дальше не идёт, просьба освободить вагоны».

Я слышу эти слова даже не ослабевшим с возрастом слухом, а внутри себя. Привычно раскладываю походный табурет-треногу и присаживаюсь у неширокой колонны. Я теперь тихоход. Поэтому добираюсь на станцию всегда пораньше. Пропускаю два состава и начинаю всматриваться в окна

только с третьего.

Со стороны эта конечная остановка метро может показаться ничем не примечательной. Обыкновенные колонны-столбики, узкие, особенно по сравнению с монументальными конструкциями глубинных галерей московского метрополитена. Сквозные, среди них всё на виду.

Только так сложилось, что именно здесь я встретил свою Ксюшу. Она пришла ко мне из сна. И здесь же, пять лет назад, ушла от меня обратно в сон.

Она отказалась оставаться в больнице. Врачи прописали ей кучу ограничений, настаивали на постельном режиме, без прогулок, волнений и резких движений.

В то осеннее утро я застал её у распахнутого настежь окна. Ксюша смотрела вдаль и куталась в пуховую шаль.

– Я устала ничего не делать, – даже тихим её голос звучал звонко.

Я приобнял оставшиеся по-девичьи хрупкими плечи.

– Чем мне тебя порадовать?

Она прислонилась к моей груди и накрыла тонкими пальцами мою руку.

– Давай прокатимся на метро. Одну станцию. Туда и обратно.

Разве я мог ей отказать?

Ксюша оживала на глазах, пока мы спускались вниз. Сжимала мою ладонь, в волнении улавливая вибрацию приближающегося поезда. С детским восторгом следила за черно-

той туннеля, будто по мановению волшебной палочки взамен сменявшегося новым просветом.

Я видел, что она хочет проехать дальше. Тем более следующая станция, «Первомайская», почти дублировала нашу Щёлковскую своими колоннами-зубочистками, как Ксюша называла их в шутку. Однако, радость тоже нужно уметь дозировать.

На обратном пути она положила голову мне на плечо и прикрыла свои невероятные глаза.

Из динамиков поставленным голосом зазвучало:

«Станция «Щёлковская» – пассажиров немного, и они начали стекаться к выходам.

«Конечная» – я прислонился щекой к её макушке, и ворс берета защекотал кожу.

«Поезд дальше не идёт» – люди суетливо выходили на перрон, а я заметил, что моя Ксюша уснула. Улыбнулся и посмотрел на неё сбоку. Из-под приподнятого воротника виднелись мягкие, крупные, ставшие белыми завитки.

«Просьба освободить вагоны» – я невесомо прикоснулся к худенькому плечу и осторожно сжал его, чувствуя пальцами хрупкие косточки даже через плотную ткань пальто. Она не пошевелилась... И я понял, что утонул без её серо-голубых бездонных глаз. Безвозвратно. Навсегда.

«Станция «Щёлковская». Конечная. Поезд дальше не идёт, просьба освободить вагоны».

Вылетающая словно из ниоткуда машина разбивает гудящий перед ней поток воздуха. Окна проносятся мимо смазанными бликами. Я выхватываю в замедляющейся стеклянной ленте круглый, по-весеннему яркий шарик, под которым в обрамлении выбившихся из-под жёлтой шапки русских кудряшек блестят серо-голубые глаза. *«Наша младшая внучка совсем тебя не помнит, – успеваю подумать я, прежде чем расплзаются двери вагона. – Но как же вы похожи».*

Она больше не малышка. Ей уже семь. Нетерпеливо переминается в проходе с ноги на ногу и машет мне, параллельно набирая сообщение в телефоне.

– Привет, деда! – Тонкие ручки обвиваются вокруг меня. Она на мгновение прижимается и смеётся, указывая на мой стульчик. – Ты снова со своим пеньком?

Я улыбаюсь в ответ, киваю, глажу её по спине, отгораживая от людского потока, и подталкиваю к колонне.

– Я написала маме, что вижу тебя и всё в порядке. Ты ей можешь не звонить. А ещё, – тараторит моя птичка-говорун, но вдруг осекается, привстаёт на носочки и громко шепчет мне на ухо, – я бы хотела поночевать у тебя сегодня. Даже сочинила, что оставила с прошлого раза пижаму, хотя на самом деле спрятала её под тетрадами в нижнем ящике стола.

Переливчатые, словно небо, глаза смущённо смотрят на меня и заведомо ждут поддержки.

– Что ж, придётся найти магазин пижам, нужно же тебе в чём-то спать... – Голос пересекает, потому что моя де-

вочка-тростинка снова порывисто обнимает меня. – Только больше не обманывай, хорошо?

– Хорошо, – соглашается она, пряча зарозовевшие щёки. – А пижаму не нужно, деда. Я посплю в твоей футболке.

«Станция «Щёлковская». Конечная. Поезд дальше не идёт, просьба освободить вагоны».

Мы до последнего сидим, соприкасаясь рукавами платья и рубашки. Апрель выдался необыкновенно тёплым. Наши пальцы переплетаются, когда мы одновременно поднимаемся и выбегаем из вагона. Взлетаем вверх по ступеням и врываемся в напоённый весенними ароматами воздух.

Идём, продолжая держаться за руки. Ксюша указывает на цветущие яблони и рассказывает, какие сорта растут в саду её родителей. А я просто иду рядом и люблю её.

Нам остаётся десять минут до дома, где она снимает комнату. Прямая аллея, на которой мы оба, не сговариваясь, всегда сбавляем шаг, замедляем время и оттягиваем момент расставания до завтра. Примерно между пятой минутой пути и единственным фонарём нас накрывает внезапный дождь. Сильный и прохладный. Укрыться негде, и мы торопимся под козырёк подъезда. Одежда успевает промокнуть, волосы липнут к голове и с них стекают холодящие струйки.

– Поднимемся. – Тянет меня за руку Ксюша.

– Неудобно, поздно уже, – возражаю я.

– Ни за что не отпущу тебя мокрого ехать через полго-

рода. – Вскидывает голову моя упряmica, берётся за ручку двери и тянет сильнее.

Мы поднимаемся на третий этаж, стряхиваем влагу, смеёмся, когда брызги попадают на каждого из нас. Ксюша поворачивает ключ.

Нас встречает Варвара Васильевна, квартирная хозяйка. Строгая и молчаливая женщина лет шестидесяти, с аккуратным шиньоном седых волос на затылке и в неизменном домашнем платье с накладным воротничком, внимательно осматривает нас с ног до головы. Под её взглядом мы непроизвольно краснеем и одновременно произносим *«Добрый вечер!»*

– Добрый вечер, – отвечает Варвара Васильевна и указывает на дверь ванной комнаты. – Умойтесь тёплой водой.

Мы разуваемся, стараясь на заступить за входной коврик и не наследить вокруг.

– Ксения, переодевайся в сухое и завари чай, – обращается она к Ксюше. – А вы, молодой человек, задержитесь в ванной. Я сейчас подойду.

Мы переглядываемся с Ксюшей. Варвара Васильевна скрывается в своей комнате.

По очереди моем руки, согревая их под проточной водой. Ксюша уходит к себе, а я стою перед раковиной, медленно вытирая насухо лицо небольшим махровым полотенцем. Раздаётся краткий стук. Дверь открывается.

– Переоденьтесь. – Варвара Васильевна подаёт мне стопку

одежды. – Вещи чистые. Остались от моего мужа. Он погиб во время войны. – Она на секунду отводит глаза в сторону. Снова смотрит на меня и пытается улыбнуться. – Приходите на кухню. Будем пить горячий чай.

Я бормочу «спасибо» и закрываю дверь. Прополаскиваю носки, развешиваю их, рубашку и брюки на натянутых над ванной верёвках. Надеваю фланелевую рубашу, которая мне чуть великовата, трико, шерстяные носки и выхожу. Замираю в проходе на кухню и не сдерживаю ухмылку, когда Ксюша переводит смеющийся взгляд с моих ног на свои, спрятанные в таких же пушистых носках.

После чая я порываюсь встать, но рука Варвары Васильевны ложится на моё плечо.

– Дождь всё ещё идёт. Ляжете здесь на раскладушке, Митя. – Она отнимает руку и кивает следовать за ней. – Только сначала поможете достать её с балкона.

«Станция «Щёлковская». Конечная. Поезд дальше не идёт, просьба освободить вагоны».

Отголоски этого объявления и громкий возглас «Деда!» возвращают меня из нахлынувших воспоминаний.

– Мы так и будем стоять тут? – спрашивает Ксюшенька и взволнованно заглядывает мне в глаза. – Уже следующий поезд прибыл. – Она показывает на раскрытые двери вагонов за моей спиной.

– Прости, задумался. – Я моргаю и виновато улыбаюсь

своей солнечной девочке. – Помогай сложить мой пенёк и поедем. Помнишь, куда мы держим путь сегодня?

– Конечно! – фыркает она и наклоняется, чтобы поднять и передать мне стульчик. – Сегодня ты расскажешь мне вашу с бабушкой свадебную историю.

Мы переходим на противоположный перрон. Люди, притягиваемые магнитом дрожащего воздуха-предвестника, стягиваются ближе к самому его краю.

– Я посчитала, деда, – воркует Ксюшенька, – нам нужно проехать восемь станций и выйти на девятой.

– Умница, – хвалю я внучку и беру её за руку, слыша гул поезда.

Внучка забегает вперёд и занимает для нас свободные сиденья в углу вагона.

– Мы поженились в июне, сразу после сдачи экзаменов, – начинаю я...

Ксюша закончила первый курс, я – третий. Два влюблённых студента, которых ничего не пугало и всё было по плечу, лишь бы вместе.

Мы расписались на следующий день после закрытия Ксюшиной сессии. Утром, в будний день. Из присутствовавших на нашей свадьбе был только мой давний друг Костя и институтская подружка Ксюши Галка, которые и стали нашими свидетелями. Родителей обоюдно решили не вовлекать. Ксюшины хватались за сердце, что дочу соблазнил столичный повеса, не веря, что мы действительно серьёзно наме-

рены были пожениться. Мои же объявили мне бойкот: приезжая провинциалка, по их мнению, стремилась захомутать коренного москвича исключительно в меркантильных интересах. Жизнь постепенно всё расставила по своим местам, но в тот день друг у друга были только мы и весь мир перед нами.

Костя сфотографировал нас на крыльце загса. Мы вчетвером съели по креманке мороженого в кафе, и уже вдвоём с Ксюшей отправились в свадебное путешествие – на станцию «Арбатская».

– Она такая... – глаза Ксюши светились каждый раз, когда мы проезжали или специально выходили на «Арбатской». – Сказочная. Свадебная. Плавная, светлая, утончённая и надёжная. Здесь я чувствую себя принцессой в бальном зале, которую вот-вот закружит в вальсе её принц.

Мы станцевали наш вальс в метро под удивлённые взгляды пассажиров. Ксюша, в белом летнем платье, с подхваченными широкой кружевной лентой волосами, кружилась, позволяя мне вести. Ободки наших тонких золотых обручальных колец сверкали настоящим счастьем под искусственным светом ламп.

– Она такая... – взгляд Ксюшеньки устремился по лепнине под своды станции. – Сказочная. И правда, свадебная.

У меня зашипало в глазах. Я предложил руку внучке, держа раскрытой ладонью вверх. Она вложила в неё свою ладошку, и я закружил её вокруг самой себя.

Мы возвращаемся.

– Почти приехали. – Ксюшенька вскакивает, но тут же снова приседает на краешек сиденья. – Деда, я уже знаю, почему бабушка устраивала минуту молчания на «Партизанской», плакала на «Бауманской» и так любила «Арбатскую». В следующий раз объяснишь мне, почему она боялась «Электrozаводскую»?

– Непременно, моя хорошая, – обещаю я, настраиваясь на предстоящий подъём по ступеням лестницы. – А как-нибудь по осени я расскажу тебе историю про десять слов, с которых всё началось.

Из динамиков поставленным голосом звучит:

«Станция «Щёлковская». Конечная. Поезд дальше не идёт, просьба освободить вагоны».